

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нъ началу войны 1904—1905 года между Россіей и Японіей во Владивостокѣ были сосредоточены слѣдующія морскія силы: крейсера „Россія“, „Громобой“, „Рюрикъ“ и „Богатырь“, десять миноносцевъ (около 100 тоннъ водоизмѣщенія) и нѣсколько транспортовъ, не имѣвшихъ боевого значенія.

Такое отдѣленіе столь значительнаго отряда главныхъ силъ, расположенныхъ въ Портъ-Артурѣ, объяснялось желаніемъ дать русскимъ крейсерамъ возможность дѣлать набѣги на Японію для уничтоженія ея морской торговли и тѣмъ заставить японскій флотъ, для противодѣйствія, раздѣлиться на двѣ части; повидимому, предполагалось также, что, въ случаѣ надобности, крейсера свободно прорвутся на соединеніе съ Портъ-Артурской эскадрой.

И дѣйствительно, японцы для наблюденія за Владивостокскимъ отрядомъ отдѣлили 2-ю эскадру подъ начальствомъ вице-адмирала Камимура; ядро ея составляло четыре большихъ броненосныхъ крейсера, при нихъ находились три малыхъ броненалубныхъ крейсера и отрядъ истребителей.

Эта эскадра, значительно превышая въ мощи русскія силы, противъ которыхъ была назначена, базировалась на порта въ районѣ Цусимскаго пролива и, находясь въ непосредственной связи, какъ съ главными силами флота, такъ и центральными учрежденіями Японіи, была поставлена этими обстоятельствами въ несомнѣнно болѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, съ которыми приходилось считаться Владивостокскимъ крейсерамъ.

Однако, по волѣ Провидѣнія и благодаря мѣрамъ предосторожности, русскій отрядъ избѣгалъ встрѣчи съ сильнѣйшимъ врагомъ, хотя и ходилъ въ далекіе походы въ 1904 году 6 разъ;

два рейса онъ сопровождался миноносцами; дважды встрѣчался съ японской эскадрой. Въ первую встрѣчу, ослабленный отсутствіемъ крейсера „Богатырь“, свѣшаго на камни около мыса Брюса, и находясь слишкомъ близко отъ главнаго японскаго порта, отрядъ уклонился отъ боя. Вторая встрѣча произошла 6 августа 1904 года въ Цусимскомъ проливѣ и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося пять часовъ, враги разошлись, но „Россія“ и „Громобой“ потеряли своего боевого товарища „Рюрикъ“, сопротивленіе и гибель котораго были столь героичны, что память о немъ и въ эту несчастную для Россіи войну связана съ свѣтлой яркой мыслью о томъ, что жива и долго будетъ жить въ русскомъ флотѣ воинская доблесть! Послѣ этого боя и паденія Портъ-Артура, въ дѣятельности Владивостокскаго отряда произошло затишье, осенью „Громобой“ коснулся камня и зимой чинился въ докѣ.

Весной 1905 года вполне готовые и значительно усиленные, въ смыслѣ боевого ихъ значенія, „Россія“ и „Громобой“, поджидая эскадру вице-адмирала Рожественскаго, сдѣлали рейсъ къ берегамъ Кореи и Японіи, но съ прорывомъ къ Владивостоку крейсера „Алмазь“, доставившаго печальныя вѣсти объ участи 2-й эскадры Тихаго океана, никакихъ военныхъ операцій не предпринимали, и дѣйствительно слѣдуетъ признать, что какія-либо дѣйствія двухъ крейсеровъ противъ японскаго флота можно было бы назвать безумными предпріятіями, результатомъ которыхъ была бы славная, но бесполезная гибель кораблей, еще нужныхъ русскому флоту и Россіи.

Миноносцы, несмотря на ихъ малоцѣнное боевое значеніе, дѣлали смѣлые рейсы къ берегамъ Кореи и Японіи, а въ промежуткахъ между походами несли тяжелую охранную службу; два изъ нихъ погибли: одинъ отъ взрыва японской мины у Владивостока, другой, получивъ пробоину на рифѣ внутренняго рейда Гензана, былъ сначала взятъ транспортомъ „Лена“ на буксиръ, но изъ-за невозможности остановить течь, утонулъ въ Японскомъ морѣ.

Въ настоящее время крейсера „Россія“, „Громобой“ и „Богатырь“ состоятъ въ спискахъ русскаго флота, въ честь погибшаго „Рюрика“ названъ нашъ сильнѣйшій броненосный крейсеръ, а часть миноносцевъ въ послѣднее время входила въ составъ морскихъ силъ, назначенныхъ для обороны устьевъ Амура.

Славлевъ.

На развѣдку.

Ледяной покровъ, сковывавшій спокойныя воды Золотого Рога ¹⁾, началъ рыхлѣть, таять, а въ началѣ апрѣля восточнымъ вѣтровъ вынесло остатки разбитаго льда за границы залива. Наученный горькимъ опытомъ Портъ-Артурскихъ товарищей, отрядъ крейсеровъ, ласкавшихъ своими красивыми очертаніями глаза старыхъ моряковъ Владивостока, ставилъ каждую ночь сѣтевое загражденіе, и маневръ этотъ, долго длившійся въ первыя постановки, въ послѣдующія производился быстро и гладко. Нерадостныя вѣсти изъ Артура о гибели „Петропавловска“ съ адмираломъ Макаровымъ, о мелкихъ аваріяхъ и неудачахъ съ миноносцами, какъ ни тяжелы онѣ были для любящаго флотъ сердца, но въ отрядѣ крейсеровъ онѣ ни на іоту не убили бодрого духа, рожденнаго и взлелѣяннаго стремленіемъ нанести наибольшій вредъ врагу на пользу отечества. Къ чему-то готовились... Въ мелкихъ распоряженіяхъ, исходившихъ отъ адмирала и командировъ, чувствовалась и затѣмъ уже ярко обрисовывалась мысль усилить боевую мощь отдѣльныхъ крейсеровъ и уменьшить ихъ недостатки, а такихъ было не мало: слабо были они бронированы, много лишней тяжести несли на себѣ, не все дерево было свезено—и при общемъ стараніи парализовались предусмотрительными мѣрами ошибки ихъ строителей и соиздателей, а въ душѣ экипажей ихъ крѣпла увѣренность въ возможности успѣшной борьбы. Скрываясь отъ непрошенныхъ взоровъ и злыхъ услугъ опытныхъ шпионовъ, несомнѣнно находившихся въ крѣпости, порту и городѣ, подъ личиной благонамѣренныхъ иностранцевъ, корейцевъ, китайцевъ, неожиданно ночью снялся отрядъ крейсеровъ и ушелъ въ море, и наступившій съ утра туманъ еще долго держалъ въ заблужденіи этихъ незванныхъ, опасныхъ въ своемъ коварствѣ, враговъ отечества. А когда въ городѣ стало объ уходѣ отряда извѣстно, когда полетѣли за границу и въ Корею на первый взглядъ невинныя телеграммы о присылкѣ четырехъ швейныхъ машинъ, о срочной высылкѣ денегъ, о болѣзни родственниковъ и съ прочими условными значеніями, нима которымъ легионъ,—крейсера были далеко, далеко...

Экономическимъ ходомъ, спокойно, съ промежутками въ

¹⁾ Золотымъ Рогомъ называется узкій, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ заливъ, на берегахъ котораго расположены крѣпость и городъ Владивостокъ.

2 кабельтова, съ туманными буйками за кормой, рѣзали они своими красивыми таранами сѣрую гладь Японскаго моря, и, чутко прислушиваясь къ малѣйшему звуку, зорко вглядываясь въ мглу тумана и неустанно слѣдя за переднимъ мателотомъ, бодро и весело передавали по вахтѣ смѣняющіеся лейтенанты: „курсъ проложенъ на Гензанъ!“

Расположенный въ сѣверномъ углу Кореи въ 400 миляхъ отъ Владивостока, защищенный отъ вѣтровъ и русскаго за нимъ наблюденія, давно этотъ портъ останавливалъ на себѣ вниманіе адмирала: сбивчивые слухи, приносимые китайцами, свѣдѣнія, выбранныя изъ газетъ, изъ донесеній агентовъ и просто соображенія, вытекающія изъ предполагающихся вѣроятныхъ дѣйствій непріятеля, заставляли думать, что Гензанъ представляетъ собой какъ для вражеской эскадры, оперировавшей въ Японскомъ морѣ, такъ и для арміи, которую могли направить въ Манчжурію черезъ сѣверную Корею, весьма важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Можетъ быть, тамъ ведутся энергичныя работы по оборудованію базы. Это надо было выяснить, помѣшкать... и нелегкая работа падала цѣликомъ на Владивостокскія военныя суда, но... неужели этотъ отрядъ, единственная сила въ Японскомъ морѣ, направится самъ въ глубь Гензана, гдѣ можетъ быть поставлено минное загражденіе, и часть крейсеровъ, а можетъ случиться и всѣ, понесутъ поврежденія отъ минъ, даже и не увидя внутреннихъ рейдовъ непріятельскаго порта? Какъ же это сдѣлать? Про то хорошо знали командиры двухъ маленькихъ миноносцевъ, ни на сажень не отстававшіе отъ флагманскаго корабля, держась отъ него на траверзѣ и на раковинѣ въ полукабельтовѣ разстоянія: судакрошки едва стонныя водоизмѣщеніемъ, со слабой артиллеріей, съ малымъ сравнительно ходомъ, шли они подъ крылышкомъ крейсера съ чуднымъ именемъ, подъ сѣнью котораго не страшна была гибель въ отважномъ предпріятіи, а дорога и высока была честь выполнить порученіе, на нихъ возложенное.

На второмъ отъ головного крейсера оживленіе: на станціи искрового телеграфа стали получаться знаки, сначала неясныя, потомъ отчетливыя, точно отъ приближающагося къ отряду корабля, за ними явились другіе, отвѣтственныя, и изъ принесенной миннымъ офицеромъ бумажки съ разобраннымъ значеніемъ черточекъ командиръ понялъ, что это японскій нешифрованный текстъ.

Немедленно, по мегафону, звукъ за звукомъ передавался таинственный разговоръ двухъ вражескихъ судовъ, знаки стали

тускнѣть, прерываться и совсѣмъ прекратились, а на флагманскомъ кораблѣ съ помощью переводчиковъ, двухъ приглашенныхъ изъ Восточнаго института студентовъ, уже разгадали телеграммы, смыслъ которыхъ не оставилъ сомнѣнія въ томъ, что цѣлая непріятельская эскадра была вблизи отряда и шла по какому-то назначенію.

Уже одна часть развѣдки выполнена: непріятель въ морѣ на контръ-курсѣ, непріятель двигается на сѣверъ и направляется изъ Гензана къ Владивостоку, иначе онъ шелъ бы попутнымъ или пересѣчнымъ курсомъ, а тогда не было столь быстрого измѣненія въ нажимѣ телеграфныхъ черточекъ.

Всѣ эти соображенія быстро проникли въ умы, напряженные и чуткіе, и слабая надежда на успѣшное выполненіе предпріятія переходила въ бодрую увѣренность, и на серьезныхъ лицахъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ появилась безыскусственная веселость, а по адресу врага пускались насмѣшливыя шуточки...

Утромъ стоялъ еще туманъ, а днемъ уже при ясной погодѣ у самаго Гензана задержали и, снявъ людей, потопили маленький пароходъ, а миноносцы прошли въ самый портъ, гдѣ и выяснили, что особыхъ приготовленій никакихъ нѣтъ; также узнали, что шесть истребителей покинули этимъ утромъ Гензанъ и пошли на сѣверъ. Съ одной стороны—это была удача для отряда, т. к., наткнись на нихъ въ туманѣ истребители, много было бы шансовъ къ удачной атакѣ; съ другой—останься они въ Гензанѣ, пришлось бы имъ вступить въ неравный бой съ четырьмя быстроходными, съ громадной противоминной артиллеріей крейсерами. И однимъ нашимъ успѣхомъ въ теченіе войны стало бы больше.

Выполнивъ задачу, отрядъ повернулъ на сѣверъ; къ вечеру адмиралъ отпустилъ храбрые миноносцы пробираться къ Владивостоку по берегу однихъ, а самъ направился къ мысу Поворотному.

Наступила темная ночь; въ воздухѣ чувствовалась сырость; вахтенные ежились отъ проникающей черезъ буршлаты свѣжести, люди второй смѣны у орудій тихо разговаривали между собой и вглядывались въ ночную мглу; впереди шелъ флагманскій крейсеръ и были видны лишь смутныя очертанія его корпуса да два кильватерныхъ огня, ни одной полоски свѣта не вырывалось изъ его нѣдръ, а между тѣмъ тамъ было яркое освѣщеніе; третій крейсеръ выскочилъ нѣсколько впередъ и склонился вправо, и на лѣвомъ борту показалось круглое свѣт-

лое пятно. „У васъ съ лѣвой стороны не закрытъ иллюминаторъ“, началась передача ля-Ратьеромъ, и скоро видно было, какъ пятно это скрылось.

„Бѣлый огонь слѣва“, доложилъ вахтенный сигнальщикъ... „Гдѣ?... да, огонь, несомнѣнно... передать Ратьеромъ адмиралу...“ приказалъ вахтенный начальникъ. Пробили дробь-атаку... Головной корабль повернулъ на огонь, за нимъ остальные крейсера, и не прошло пяти минутъ, какъ большой транспортъ съ открытыми огнями оказался окруженнымъ четырьмя неожиданными встрѣчными, точно вынырнувшими изъ ночной мглы... Транспортъ остановился какъ бы въ недоумѣніи: откуда появились эти пришельцы; только сегодня онъ получилъ приказаніе перевезти роту солдатъ въ Гензанъ изъ Кень-шена, гдѣ неугомонные казаки тревожили ихъ стоянку и командиръ роты боялся, чтобы ихъ не уничтожили. Только вчера вторая эскадра прошла на сѣверъ къ Владивостоку, дабы обезпечить эту перевозку отъ неожиданнаго нападенія, и вдругъ... четыре мрачныхъ неумолимыхъ врага! Отъ передняго вражескаго крейсера отвалила шлюпка, подходит къ транспорту; на шлюпкѣ люди съ ружьями; какой-то человекъ, видимо офицеръ, на англійскомъ языкѣ властно требуетъ штормъ-трапъ и по нему вдвоемъ съ бородатымъ боцманомъ поднимается на палубу... Капитанъ транспорта даетъ отвѣтъ: „на транспортѣ есть японскіе офицеры и рота солдатъ...“. Энергичнымъ шагомъ, увѣренно и смѣло проходятъ два русскихъ внутрь парохода; вотъ уже они поднимаются наверхъ вмѣстѣ съ арестованными офицерами; русскій офицеръ подходитъ къ трюму, гдѣ находится рота солдатъ, и предлагаетъ имъ сдаться; въ отвѣтъ слышно щелканіе курковъ и злобный говоръ, какъ бы протестующій отвѣтъ на позорное предложеніе. Адмиралъ уже освѣдомленъ о происшедшемъ, и отъ него передается роковой для транспорта семафоръ: „послать плѣнныхъ на крейсера, а транспортъ покинуть“.

Въ безпорядкѣ спускаются одна за другой шлюпки, полуодѣтые японцы садятся на нихъ и гребутъ къ крейсерамъ; нѣсколько шлюпокъ пытаются повернуть въ сторону отъ отряда, но вотъ зажегся одинъ прожекторъ, другой, третій, и снопы ослѣпительнаго свѣта облѣпили бѣглецовъ, и видя, что бѣгство можетъ кончиться для нихъ печально, торопливо ворочали японцы обратно и вылѣзали на вражескія палубы.

Томительно на крейсерахъ! Вся картина арестованія парохода, всѣ эти попытки скрыться отъ плѣна происходятъ въ кабельтовѣ разстоянія; слабый транспортъ безпомощно стоитъ на

одномъ мѣстѣ и движеніе на немъ уменьшается; дни его, конечно, сочтены, но и какъ рискованно положеніе крейсеровъ; привлеченные яркими снопами свѣта отъ прожекторовъ, неожиданно могутъ появиться японскіе истребители и напасть на недвижный, точно на якорѣ стоящій отрядъ. „Скорѣй бы конецъ!“ острой мыслью пронесется въ мозгу, и какъ бы въ отвѣтъ на нее съ флагманскаго корабля доносится выстрѣлъ—одинъ, другой, и цѣлымъ бортомъ открыта стрѣльба по пароходу, открыта она и съ другихъ крейсеровъ. „Какой странный свистъ и трескотня“, спрашиваетъ лейтенантъ на заднемъ мостикѣ мичмана. „Это должно быть ящики съ патронами у нихъ рвутся“, дѣлаетъ догадку мичманъ... „ваше высокоблагородіе, съ транспорта японцы стрѣляютъ“, взволнованный открывшейся картиной докладываетъ сигнальщикъ.

На палубѣ транспорта, залитой снопами электрическаго свѣта, копошатся люди; лежа и съ колѣна ведутъ они быструю стрѣльбу по крейсерамъ изъ винтовокъ; то тамъ, то сямъ взрывомъ снаряда разсѣивается кучка солдатъ, но еще энергичнѣе, еще быстрѣе ведется стрѣльба оставшимися; на палубѣ уже лежатъ безформенныя тѣла, только частью похожія на человѣческія... огонь съ крейсеровъ направленъ въ подводную часть парохода, но все-таки чаще и чаще попадаютъ снаряды въ обнаженную палубу кренящагося въ сторону отряда транспорта, и рѣдѣютъ ряды этой храброй стаи орловъ; транспортъ садится кормой больше и больше; вотъ уже обнажился киль около носа, и послѣдняя пуля, просвиставшая надъ ухомъ скамечнаго лейтенанта, была лебединой пѣснью геройской роты. Транспортъ наполовину возвышаясь надъ водой носовой частью, медленно опускался на дно,—вотъ скрылась труба, фокъ-мачта, носъ и только бурленіе воды отъ вытѣсняемаго воздуха, да обломки корабельныхъ принадлежностей съ рѣдкими держащимися за нихъ людьми указывали мѣсто гибели транспорта и славной горсти храбрыхъ враговъ.

Опять туманъ скрылъ на цѣлый день крейсера, а когда утромъ подошли къ Поворотному и выяснилось, что непріятеля у Владивостока нѣтъ, отрядъ полнымъ ходомъ пошелъ къ крѣпости... Раскатисто протрещали по палубамъ барабаны и пронзительно задрезжали горны: пробита боевая тревога... „Пять непріятельскихъ кораблей на горизонтѣ“ передается изъ устъ въ уста готовящейся къ бою команды... На мачтахъ флагманскаго корабля подняты кормовые флаги, и гордые крейсера, готовые къ бою, идутъ по старому пути, а справа отъ курса

видны пять корпусовъ, идущихъ въ строѣ кильватера на пересѣчку, и надъ ними стелется дымъ... Плѣнные японцы, кинувшіеся къ иллюминаторамъ, водворены въ баню, помѣщающуюся въ глубинѣ крейсера, и къ наглухо запертой за ними двери поставлено 2 часовыхъ и одинъ разсылный съ опредѣленными приказаніями: убить каждаго, пытающагося выйти; одни изъ плѣнныхъ съ радостью думали, что съ погибелью крейсера погибнуть и они, другіе мечтали о благополучномъ исходѣ боя, такъ какъ съ этимъ связывалось сохраненіе ихъ жизни, третьи... Тревога оказалась напрасной: пять подводныхъ скалъ, называемыхъ Пятью Пальцами, съ извѣстнаго направленія и разстоянія были дѣйствительно похожи на военныя суда, а полоска тумана надъ ними казалась ихъ дымомъ, придавая еще болѣе сходства этой игрѣ природы съ ожидаемымъ врагомъ...

Опять размѣстили плѣнныхъ по каютамъ и палубамъ, и выяснилось, что пока одни—патріоты мечтали погибнуть, другіе—робкіе желали спастись, третьи—человѣкъ пятнадцать—подъ аккомпаниментъ сигналовъ на горнѣ и барабана, не теряя времени, хорошенько вымылись въ банѣ, произведя таковымъ своимъ спокойствіемъ большое впечатлѣніе на команду... „Ну, народъ, можно сказать, фартовый... палецъ укусить ему не дай... всего человѣка слопаютъ“, говорилъ завѣдующій баней хозяинъ трюмныхъ отсѣковъ, увидя несомнѣнные слѣды мытья. „Не безпокойся, братъ, и наши не сдадутъ, коль разсердишь... да, доберъ ужъ очень къ другимъ націямъ русскій человѣкъ; замѣсто того, что раньше придавить этого япошку, мы имъ: милости просимъ, торгуй, живи, а онъ... вотъ и выросъ на нашихъ хлѣбахъ, можно сказать; то же китайцу, можно сказать, или корейцу здѣсь—не жисть, а лафа...“ философствовалъ рябоватый первый боцманъ: „а я старшему офицеру доложу, чтобы этихъ желторожихъ прибраться заставили; скажите, баре какіе, вымылись, напакостили, да щи русскія пошли ѣсть“, вдругъ озлобившись на произведенный безпорядокъ, неожиданно закончилъ онъ и, быстро сѣменя кривыми ногами, побѣжалъ къ старшему офицеру.

Вскорѣ гордый первой удачей отрядъ стоялъ въ заливѣ Золотой Рогъ, гдѣ съ удовольствіемъ всѣ увидѣли, что и 2 лихихъ миноносца, участвовавшіе въ походѣ, мирно отдыхали на швартовахъ.

Славлевъ.

